

Диана Ибрагимова

# Виндера

Однажды будет ветер



NoSugar. Виндера

Диана Ибрагимова

**Виндера. Однажды будет ветер**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Ибрагимова Д.**

Виндера. Однажды будет ветер / Д. Ибрагимова — «Издательство АСТ», 2023 — (NoSugar. Виндера)

ISBN 978-5-17-155265-7

Двести лет назад на королевство Хайзе было наложено проклятье и души всех его жителей оказались заточены в предметах и домах. Лишь один человек может находиться в человеческом обличье – Виндер. Его задача – найти части магической машины, которая является единственным средством для снятия могущественного заклинания. У Рины осталось совсем немного времени, чтобы расколдовать королевство, но справится ли она с тем, с чем не справились её предшественника за почти что две сотни лет? Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155265-7

© Ибрагимова Д., 2023  
© Издательство АСТ, 2023

# Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

# Диана Ибрагимова

## Виндера. Однажды будет ветер

© Ибрагимова Д., 2023

© Morgenmuffel, иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*Посвящается детям, которые ищут свой путь, и взрослым,  
которые его потеряли*

## Пролог

Вот уже два века дома делились на мертвые, спящие и живые. И все они были опасны. Мертвые грозили рухнуть и похоронить Аделину под обломками, спящие могли проснуться и стать живыми, а живые не раз пытались ее убить.

Странница давно находила нужные дома с первого взгляда. Еще издали она угадывала мертвые, где не было ни одной духовной искры. Ни в кирпичях, которые крошились, как сухари на терке, ни в дырявом полу, ни в кровле, что лежала на стропилах, точно сбита птица, медленно теряя перья, – обломки глиняных или цементных пластинок.

В развалинах никто не жил, не считая пауков и гадов, мышей да голубиных стай. Мертвые дома были пусты, когда принц Аскар запустил Ветроуд и запечатал всех людей в их жилищах. Без хозяев они рушились и плохо спасали от непогоды, но все же Аделина много раз предпочитала делить кров с дождем и снегом, потому что мертвые дома казались ей самыми безопасными.

Вторые на очереди – колыбели сновидцев – были тихими, пыльными и темными. Их окна изнутри закрывали шторы, а снаружи – занавеси плюща. Такие дома походили на склепы, окруженные баррикадами глухих садов, стенами крапивы и путами дикого винограда. Хозяйка спящих находилась внутри, но проводила заточение во сне, надеясь проснуться уже людьми. Энергия их душ питала стены и колонны, словно кровь – человеческое тело, поэтому такие дома погибали медленней. Странница редко в них ночевала, а если и ночевала, то старалась ничего не трогать и ложилась спать прямо на голый пол, избегая даже ковров. Здесь не стоило тревожить вещи, потому что любая могла быть сосудом души. Прикоснись к ней – и разбудишь хозяина. Однажды в молодости Аделина забрела в такой дом и решила затопить камин, чтобы согреться. Кто же знал, что там сидит вздорная старуха, которой вечно холодно! Она проснулась, полная негодования, вселилась в пламя и обожгла протянутые к нему руки Странницы. Шрамы остались до сих пор.

Но даже это было безобиднее коварства живых домов. Их Аделина легко узнавала по дыму из труб, по крепким заборам и ухоженным садам. По тряпицам, что сами собой сновали по окнам, стирая с них дождевые разводы. По перчаткам, которые деловито доили забредшую во двор корову, а потом выливали молоко в миску кота, чтобы он почаще приходил гонять в сарае мышей.

Хозяйка живых домов были сильны духом. Заточенные в четырех стенах, они не пустили все на самотек и как могли старались поддерживать свои каменные тела: заботились о них, чинили, охраняли от диких зверей и вели, насколько это было возможно, обычную мирскую жизнь. Таких домов осталось совсем немного. Одни привечали Странницу как дорогую гостью, а другие были смертельными ловушками, и не угадаешь заранее, кто есть кто.

Аделина избегала заходить в живые дома, если того не требовала работа, но все-таки нашла среди них верных друзей. Этим утром она торопилась к старине Грегору, в деревеньку под названием Вишневый лог. Натруженные ноги давно гудели и просили пощады, но останавливаться было нельзя. Стоит только присесть на минутку и снова встать, как стопы вспыхнут нестерпимой болью, все натертые места заноят одновременно, а колени перестанут разгибаться. Пока расходишься, уйма времени пройдет.

– Ничего-ничего, – задыхаясь, говорила себе Аделина. – Я ужасно крепкая старушка. Я еще даже взбираюсь на холм без палок! Всего один бугорок, и я на месте. А если отдохну и опять наберусь сил, то ни за что не смогу с этим покончить и так и буду ходить по миру, пока не замрет мое сердце. Но даже тогда, я уверена, мои ноги пройдут еще добрую сотню шагов сами по себе.

Наверху она застыла на секунду, наметанным глазом высматривая в округе признаки ветра. Он больше не был ей нужен, но привычка осталась.

Долину внизу обнесло туманом, как это часто бывает в ту пору, когда лето плавно перетекает в осень. Деревню будто накрыло лебединое крыло, но Аделина сразу увидела домик вдовца Грегора. Его выдавала чудесная персиковая крыша, будто кусочек рассветного неба выглянул из облаков. Даже спустя столько лет черепица не выцвела и не потеряла блеска, потому что ее сделали кудесники, способные придавать вещам долговечность и другие удобные свойства. Такие изделия стоили дорого, и в свое время Грегор смог позволить себе только одну эту крышу, посчитав ее самой важной частью дома после фундамента. И он не ошибся – оранжевая черепица служила ему верой и правдой еще со времен молодости Грегора, истекшей задолго до запуска Ветродуя. Благодаря крепкой кровле дом был защищен от плесени и гнили и сохранился не хуже богатых особняков. Разве что местами виднелись щели в деревянных рамах, заботливо забитые сухой травой и замазанные глиной, да облупленная краска, которую хозяин не обновлял с тех пор, как Аделина принесла ему последнее ведро два года назад.

– Здравствуй, Грегор! Здравствуй, мой дорогой!

Странница погладила старенькую калитку. Она выглядела куда хуже самого дома. Верхняя петля проржавела и почти рассыпалась трухой, а нижняя держалась на добром слове. Металлической сетки на заборе не было и в помине: дождь с травой давно загнали ее остатки под землю. Аделина могла бы войти прямо через сад, но это было как-то невежливо.

От ее прикосновения калитка сама собой качнулась вовнутрь, да так сильно и резко, что окончательно слетела с петель и упала плашмя на терновый куст. Ягоды посыпались на дорожку сизым градом. Сам терн спружинил под дубовым полотном, но вроде бы не сломался. Невидимый Грегор тут же поднял калитку и попробовал приладить ее обратно, да только прилаживать было не на что.

– Вот беда! – всплеснула руками Странница. – А я как раз принесла тебе смазку для петель... Похоже, теперь придется заменять тебе их скрип своим голосом. Только послушай, как я говорю!

В последний раз Аделина пила вчера днем, и с тех пор у нее во рту совсем пересохло. Можно было сделать крюк по пути сюда, чтобы набрать воды, но она не стала, потому что приняла важное решение и боялась передумать. Странница шла к дому Грегора всю ночь, пока могла видеть в свете луны торговый тракт, и вот наконец впереди знакомая дорожка и кусты шиповника с еще незрелыми, но уже красными ягодами; дощатое крыльцо, где на ступенях свернулись похожие на бабочек-голубянок лепестки старой краски; натертая уксусом до обманно-золотого блеска медная ручка, веер чистых стекол в полукруге окошка над ней.

Из открытой двери повеяло теплом, слабым запахом дыма и мыла. Аделина вошла в прихожую, где умещались только вешалка и тумба для обуви, и стала раздеваться. Не успела она расстегнуть куртку-непромокашку, как мужское пальто из добротного твида слетело с крючка и помогло ее снять. Тут же из глубины дома притопали одна за другой мягкие тапки, и Аделина с наслаждением погрузила в них ноги. Но куда большей негой оказался таз горячей воды, который поджидал ее перед креслом у камина, где уютно потрескивал огонь.

– В самом деле, Грегор! – изумилась Аделина, зайдя в гостиную. – Как ты опять подгадал мой приход? Сомневаюсь, что ты топишь регулярно. Еще не так холодно, чтобы беспокоиться за трубы, да и у тебя вряд ли неиссякаемый запас дров. Разве что старые ветки, которые ты спилил по весне, когда делал обрезку сада. Неужели тебе видно отсюда, как я спускаюсь с холма? Или это Проводник тебя предупредил?

Она не ждала ответа, по крайней мере, прямо сейчас. Грегор все-таки был домом и, хотя мог в его пределах довольно многое – например, вселяться в любую вещь и использовать ее – к сожалению, не обладал голосом. Так что он молча подоткнул под поясницу гостьи мягкую

подушку и подкатил к ней круглый столик на колесах с фарфоровым кофейником, чашкой на блюдечке и связкой каменно-жестких сушек со сроком годности лучше-не-спрашивать.

В этом доме давно не было обычной заварки, поэтому чай оказался с малиной, судя по цвету и вкусу, и с листьями смородины, судя по запаху.

– О-о-о, – протянула Аделина, сделав глоток и закрыв глаза от удовольствия. – Я мечтала об этом целых два года, мой дорогой. У тебя самый вкусный чай из всех, что я пила! Благодаря тебе я почти не тоскую по кофе... Хотя, судя по твоей коллекции кофейников, ты бы многое за него отдал. Ей-богу, я гостила у тебя столько раз, но не увидела на кухне ни одного заварочного чайника, зато кофейников сколько угодно. Ты, наверное, был знатный кофеман...

С правой стороны к Аделине подлетел табурет, на него опустилась печатная машинка с глянцевым синим корпусом. Грегор заправил в нее лист пожелтевшей бумаги и ответил:

«Но я всегда думал, что это чайники!»

Страница расхохоталась, да так сильно, что чуть не расплескала на себя чай, а на пол – горячую воду, в которой грела ноги.

– Ну ты даешь! – воскликнула она, утерев слезы с морщинок вокруг глаз. – Ты всегда такой честный! Это я люблю в тебе больше всего после твоей доброты. Слишком много я повидала людей, готовых завернуть гостя в целый кокон вранья, лишь бы не оконфузиться перед ним. А ты, значит, думал, что это чайники...

«Я не люблю кофе, – честно признался Грегор, – но для тебя варил бы его с удовольствием каждый день. Надо только найти где-нибудь зерен и смолоть...»

– Увы-увы, – меланхолично улыбнулась Аделина. – Теперь нам не видать зерен до тех пор, пока мы не запустим Ветродуя и не возобновим торговлю с южными островами. Если честно, я уже не помню вкус кофе. Когда я очнулась полвека назад, весь кофе в Хайзе был давно уже выпит предыдущими Странниками или испортился. Даже тот, что хранили в кудесничьих банках... И какао давно пропало, так что это грустный мир без горячего шоколада со сливками. Я стала капризной в старости, не правда ли?

«Ты выглядишь расстроенной, – заметил Грегор. – И не торопись с новостями. Должно быть, хороших нет?»

Аделина вздохнула, разглядывая его портрет на каминной полке. Когда она впервые попала сюда, ей было только семнадцать, и Грегор казался ей стариком, а сейчас у нее на голове седины было куда больше, чем у него. И чувств к нему тоже было намного больше, поэтому так не хотелось его разочаровывать.

– Ты угадал, хороших новостей у меня нет... Я говорю о ерунде, потому что боюсь говорить о главном... Какие, в самом деле, кофейники и зерна, когда проклятье вот-вот станет необратимым... Осталось всего три месяца, мой дорогой. А я так и не нашла последнюю кнопку Ветродуя...

Аделина помассировала опухшие колени и помяла лодыжки. Ее ступни, распаренные водой, были розовыми, жилистыми и тонкими. Словно бы стоптанные годами путешествий, они напоминали плавники морского окуня.

– У тебя так уютно, – тихо сказала она. – Тут я чувствую себя как дома. Вот бы остаться здесь с тобой и подождать, когда придет Великий ветер и все снова станут свободными.

«Мой дом – это твой дом, – простучала печатная машинка. – Ты можешь остаться здесь, когда только захочешь».

Они повторяли этот диалог уже много раз, но сегодняшней был особенным. Потому что сегодня Аделина не собиралась уходить.

– Не мог бы ты подать мою сумку? – попросила она, чувствуя, что никакая сила сейчас не способна оторвать ее ноги от целебного тепла воды.

Грегор не мог вселиться в чужую вещь, поэтому сумку принесло его пальто, которое недавно помогало гостье снять верхнюю одежду. Сумка была сшита вручную из брезента и

не слишком ловко – разновеликими частыми стежками. Но зато отличалась крепостью, имела уйму карманов, надежно закрывалась и не промокала. А еще у нее был удобный широкий ремень для носки через плечо и две лямки сзади, чтобы превращаться в рюкзак, если нужно.

Страница откинула клапан сумки, расстегнула ее и аккуратно извлекла из недр небольшую книгу в красивом, словно бы посеребренном переплете. Она выглядела совсем новой, но лет ей было в два раза больше, чем самой Аделине. Этот дневник изготовил один из первых Странников – кудесник Высшего круга. Созданная им бумага не поддавалась порче, не выцветала, не горела в огне и не впитывала влагу, а обложка не трескалась ни от сильной жары, ни от лютого мороза.

Аделина положила дневник себе на колени и произнесла:

– Натан, будьте так добры, уделите мне минуту.

Книга щелкнула серебряной застежкой. Это означало, что Натан слушает. Страница убрала седую прядь с обветренного лба, пожевала губу и еще долго собиралась с духом, глядя на то, как солнечный свет проникает в гостиную. За панорамными окнами стояли позолоченные им кусты физалиса с алыми фонариками плодов. Таяли бриллианты росы на траве. Блестели гладкие, сочные листья хост, что сбились пестрым стадом у развалин сарайчика, где днем царил безопасная для них тень. Солнце добралось до камина, рассыпалось искрами отражений в подсвечниках, упало в таз, где грелись ноги-плавники, пробежалось блестящей дорожкой по струе кипятка, который Грегор аккуратно лил из самого большого в коллекции кофейника, чтобы подогреть воду. Дом все еще был холодным, и она мгновенно остывала.

– Нам придется выбрать нового Странника, – наконец произнесла Аделина, перемешивая воду ногами. – Я уже чересчур стара для этой работы. Как бы я ни была опытна, мое тело сильно ослабло, а времени почти нет... Мои стопы так мозжат по ночам, что я не могу спать, а от холода у меня вступает в спину, и я порой неделями не могу разогнуться. Боюсь, к середине осени я стану совсем бесполезна. Если я буду тянуть до последнего, у нового Странника не останется времени на подготовку, поэтому я должна отступить сейчас.

Она вздохнула и погладила птицу на обложке книги.

– Мне повезло найти целых две кнопки, и я была уверена, что смогу отыскать последнюю.

Это долгие годы гнало меня вперед, но теперь я понимаю, что износила себя. Такой дряхлой развалине больше нечего дать миру. Мне пора уйти на покой. Что вы думаете об этом, дорогой Натан?

Книга вздрогнула, и Аделина убрала с нее руку. Взметнулся белый веер страниц и распался на две части. В середине чистого листа проступила одна-единственная темно-серая надпись:

«Время прощаться».

– Вы как всегда лаконичны, мой друг, – грустно улыбнулась Аделина, но это было не все, что книга хотела ей сказать.

Страницы стали быстро перелистываться, и на них то там, то тут в разных местах возникали отдельные слова или целые фразы.

«Мы провели... много времени... вместе... Аделина... Бесценный опыт, который... ты... собрала для будущих Странников... я бережно сохраню и передам в целостности и сохранности... Не нужно... бояться... будущего. Затишье длится уже долго, но... Я верю – однажды будет Ветер... Мы еще увидимся... когда снова станем людьми... Я хотел бы... тебя обнять... на прощание. Но я... пока еще... просто книга».

Аделина беззвучно заплакала, прижав серебрястый том к груди.

– Вы всегда были прекрасным другом и советчиком, Натан. И не только для меня. Для многих Странников. Я бесконечно вам благодарна, но у меня совсем нет подходящих слов на прощание. Это так глупо после всего, через что мы прошли. Я чувствую себя такой старой и бесполезной...

Она отняла книгу от груди, и страницы снова замелькали.

«Не время плакать... Пора... отправлять письма».

Бумажные половинки сомкнулись и всей стопкой бухнулись на левую сторону. Стало видно, что из конца книги вырезано несколько листов.

– Я очень надеюсь, что вам от этого не больно, – вздохнула Аделина. – Все же это кощунство, как ни погляди...

Внимательный Грегор замаячил перед ней чистым желтоватым листком.

– Спасибо, мой дорогой, – улыбнулась Странница, – но это очень важное письмо, и я отправлю его прямо по воздуху, так что обычная бумага тут не подойдет. Она может размокнуть от дождя или порваться. Вот почему мне приходится просить Натана.

Она аккуратно взяла последний лист книги, чуть-чуть потянула, и он отделился так легко и ровно, словно к нему приложили невидимую линейку и провели по ней лезвием. Аделина заправила бумагу в печатную машинку и продиктовала Грегору небольшое послание, а еще одно написала внутри самой книги специальным карандашом и убрала ее обратно в сумку. Когда первое послание было сложено в дельтаплан, Странница обратилась к хозяину дома:

– Ты не мог бы позвать Проводника? Возможно, кто-то из них сейчас рядом.

Дымоход запыхтел: это Грегор выпускал из трубы сигнальные кольца. Почти тут же запахнулось окно в гостиную, и внутрь влетел, разметав рыхлый тюль, Проводник. Это был ветер, хорошо видимый из-за мельчайшей серебряной пыли. Он выхватил дельтаплан из рук Странницы и увлек за собой сначала в окно, а потом высоко в ясное небо.

– Спасибо за помощь! – крикнула Аделина ему вдогонку.

Она неохотно вынула ноги из таза и подержала над ним, чтобы стекла вода.

– Новый Странник проснется недели через две, но мне лучше подготовить посылку заранее.

«Тебе нужно отдохнуть, – возразил Грегор. – Позволь, я упакую все за тебя».

Аделина шкодливо плюхнула ноги-ласты обратно в воду, взметнув фонтан брызг и заставив солнечных зайчиков бегать по потолку. Она словно стала русалкой и ни за что не хотела покидать свой маленький водоем.

– Ты уверен, что я могу остаться здесь? Если Ветродуи так и не запустят, тебе придется провести остаток жизни со мной...

«Я давно этого жду, – заметил Грегор. – Я хочу быть с тобой не до прихода Великого ветра, а до тех пор, пока мы не станем прахом хоть в твоём, хоть в моём обличье. И еще бесконечность после этого».

Странница рассмеялась, и то ли полная любви улыбка, то ли солнце осветило ее лицо, и оно вдруг стало сияюще-молодым.

– Я до последнего тащила бы вперед свои старые кости, но меня одолел страх, – призналась она. – Я не знаю, сколько времени мне отведено. Пока ты здесь не меняешься, я старею с каждым годом, а мне так хочется побыть с тобой подольше... Наверное, я мыслю, как эгоистка, но я думаю, что все время быть дома – не так уж плохо. В конце концов, где бы мы ни были, мы всегда ищем дом. В своей душе и в других людях. В родном городе и в чужой стране. Мы всегда и везде хотим просто чувствовать себя дома. Можно сидеть посреди пустыни и быть дома. Можно ютиться в хлипкой хибаре и быть дома. А можно жить в дорогом особняке, но дома не быть. Быть дома – это не место, а состояние души, вот что я поняла за годы скитаний. Мой дом – это ты, Грегор. Я всюду носила тебя с собой, и мне было уютно даже зимой в голом поле.

Аделина прикрыла глаза и совсем обмякла в кресле. Ее худые руки лежали на подлокотниках, почти сливаясь с ними. Или взаправду сливаясь? Ей почти не было страшно. Она много раз представляла себе этот момент и достаточно устала ради такого покоя.

«Только не бойся, – расплывались под прищуром черные буквы на желтой бумаге. – Дыши глубоко. Это совсем не больно. Это похоже на то, как засыпаешь».

Аделина вздрогнула, ощутив на руке что-то колючее: на ладони лежал рукав твидового пальто. Оно стояло рядом, согнувшись в такой позе, словно в него был одет невидимый человек. Этот шерстяной жест успокоил Аделину окончательно. Она закрыла глаза и стала дышать животом, медленно втягивая нагретый воздух. И с каждым выдохом она словно бы опускалась. Проникала в мягкую пустоту под собой все глубже и глубже. И вдруг поняла, что не слышит своего дыхания, не чувствует боли в ногах и тепла на лице от каминного пламени...

В комнате стало тихо.

Над тазом все еще поднимался пар, но розовых ног-плавников там уже не было. Пальто стояло в прежней позе, положив рукав на подлокотник. Кисточка кресельной накидки вдруг поднялась и погладила твидовый обшлаг.

## Глава 1

### Безветрие

С Букашкой что-то случилось.

Еще вчера это был ярко-желтый фургон, обитый металлом и отделанный внутри красным деревом. Он крепился к полумобилю, на котором, как усы на голове жука, торчали две антенны, и всем своим видом напоминал ильмового листоеда.

Семейное прозвище дом на колесах получил от брата Рины, когда тот был еще совсем маленьким. Папа тогда покрасил фургон в алый цвет, и он стал точь-в-точь божья коровка, только без черных крапин. Увидев это, Альберт радостно заявил: «Букашка!», и с тех пор Букашка оставалась Букашкой, даже если ее бока отражали звездное небо. А перекрашивали их частенько. Свежие слои эмали ложились на не до конца зашлифованные старые, создавая поверхность с зернистыми бугорками – шагрень, к тому же фамилия семьи была Шегри, поэтому Букашку называли еще Шагреневым домом.

Папа купил его незадолго до свадьбы, чтобы исполнить свою мечту – стать кочевым художником. С тех пор он постоянно путешествовал, рисуя крупные города и крохотные фермы, оживленные пристани и мертвые деревушки. Все королевство Хайзе от края до края раскинулось на его холстах.

Папа любил работать быстро и воздушно, поэтому чаще всего писал полотна акварелью и был невероятно плодовит. Раз в два или три месяца мама устраивала выставку, где все его этюды скупали в тот же вечер. Иметь в своем доме пейзаж Алана Шегри считалось признаком хорошего вкуса.

Ближе к зиме папа брал отпуск, и семья заселялась в лучший отель крупного города. Чтобы не скучать, родители постоянно выходили в свет, а детей вполне устраивало объедаться сладостями, которые присылала родня, и читать книги возле камина или играть с ребятами во дворе. Если быть точнее, книгами увлекалась тихая нелюдимая Рина, а в это время под окнами кидался снежками до обледенелых рукавиц и хохотал так, что уши закладывало, Альберт, который легко заводил дружбу даже с теми, с кем познакомился в драке. Они были очень разные, но оба терпеть не могли званые ужины, театры и музеи. Там родителей вечно окружала толпа поклонников, и все считали своим долгом пошебетать над «юными ангелочками Шегри». На Рину и Альберта это нагоняло смертную тоску. Как и те зимние дни перед праздниками, когда мама приглашала учителей, чтобы узнать, справляются ли дети с планом домашнего обучения. Хорошо хоть потом их никто не трогал весь год.

В апреле, едва подсыхали дороги, папу переполняло вдохновение. Он забирал Букашку из мастерской, и они с Альбертом шлифовали и красили ее, а мама с Риной наводили внутри уют. Когда все было готово, мама зажигала свечи с запахом бергамота и говорила загробным голосом:

– Готовы ли вы совершить обряд?

Это, конечно же, было поздно вечером, в темноте. Все, хихикая, садились за стол и соединяли указательные пальцы левой руки, а папа связывал их бечевкой. При этом вид у него был такой притворно суровый, что Альберт начинал похрюкивать.

– Да окружит нас священная тьма неизвестности! – завывала мама.

В блестящем бархатном платье и с высокой прической она была прямо как ведьма из театральных постановок. В актерские годы ей попадалось много таких ролей, так что играла она великолепно. Но настоящая мама была совсем другой. И от этого контраста становилось еще смешнее.

По ее команде все закрывали глаза и водили туда-сюда связанными пальцами, повторяя хором: «Крутись-крутись! Судьба – свершись!» – а потом тыкали наугад в разложенную на столе карту.

– Озеро Фалькост! – радостно объявлял папа. – Тут мы еще ни разу не были. Завтра же отправляемся!

И Фургон-хамелеон вез их к новой цели, оставляя позади сотни и сотни дорог. Он был уже стареньким и часто ломался, но никогда еще Рина не видела его в таком плачевном состоянии. Бедная Букашка напоминала свалку. От полумобиля остались только три сдутых колеса, битые стекла и остов кабины, оплетенный вьюнками. Прицеп вообще был сплошной грудой мусора. Под тонкими от ржавчины эмалированными листами виднелась труха и ветошь, осколки зеркал и посуды, сломанные приборы. И все это ошетинилось густой крапивой, а в голове Букашки царствовали муравьи.

Рина стояла посреди развалин испуганная и растерянная, как цыпленок, который только что вылупился из яйца и увидел обломки скорлупы, недавно служившие ему домом. Еще минуту назад все было в порядке. Минуту назад Рина спала в своей кровати на втором ярусе, а потом что-то выдернуло ее сюда – босую, в одних шортах и майке – и она упала, ударившись коленкой о камень. Было так больно, что аж в глазах побелело. Рина обернулась посмотреть, кто это ее толкнул, и увидела мертвую Букашку. Изъеденную солью, покрытую птичьим пометом, паутиной и мхом. Ни дать ни взять картина из кошмаров, но во сне не бывает так больно, даже если стукнешься о бортик кровати. Да и подобное наверняка разбудит: Рина просыпалась и от укуса комара.

– Мама! Па-ап? Альберт!

Тонкий голос полетел вместе с чайками над обрывом. С юга он резко уходил в воду, но назвать его утесом было бы преувеличением. Это был просто высокий берег, откуда открывался живописный вид на деревеньку Рыбоводье под холмом. Сверху видны были все ее бухточки, лодочные сараи и единственная улица, по которой проходил торговый тракт. Выглядел он непривычно пустынно. Дорога из светлых камней лежала среди холмов зигзагами, как не пойманная гимнасткой лента, и ее пыльную белизну не нарушали ни повозки, ни люди, ни козы. И ведь не скажешь, что ранний час. Солнце поднялось над водой уже на две ладони.

В это время селяне обычно везли в город утренний улов. Заставленные ящиками и бочками, тянулись на рынок Эрге скрипучие телеги со смуглыми, просоленными морем рыбаками. Их жены плели на ходу яркие коврики и корзины, а дети, униженные ожерельями из ракушек на продажу, залиvisto хохотали, превращаясь на кочках в живые погремушки. Рина привыкла просыпаться от их смеха, и внезапная тишина ее напугала.

Сама деревня тоже выглядела странно. Дома покосились, а сараи для снастей почернели и наполовину ушли в воду. Лодки замерли у берега, как пустые ореховые скорлупки, и ни одного паруса не было видно на горизонте.

– Э-э-эй! – крикнула Рина, сложив ладони рупором. – Есть там кто-нибудь?!

Стая бакланов вспорхнула с берега, и опять все стихло. Везде царило мертвое безветрие. Ни плеска волн, ни голосов людей, ни шелеста деревьев – полный штиль. Облака и те не двигались в стеклянно-гладком море. Его как гарпуны пронзали птицы, и, если бы не они, Рина подумала бы, что время застыло.

Она вдохнула побольше воздуха, приторно пахнувшего водорослями, йодом и мокрой галькой, и снова крикнула:

– Э-э-эй! Где вы все?!

За спиной что-то бахнуло и задребезжало. Рина резко обернулась. Это был почтовый ящик на ножке, подозрительно целый на фоне всеобщей разрухи.

«Может, птица туда попала?»

Помня, что в округе водятся змеи, Рина решила действовать осторожно и огляделась в поисках чего-нибудь длинного. Позади фургона, там, где вчера пышно цвел тонкий пруттик дикушки, раскинулась большая и, несомненно, старая яблоня, усыпанная ранетками.

– Ну и дела, – удивилась Рина. – Вчера был конец апреля, а сегодня уже конец лета, что ли? И откуда тут эта громадина?

Она отломил от дерева сухую ветку и поддела ею крючок. Дверца грохнулась вниз, как упавшая челюсть, и ящик выплюнул на землю коробку со сдвижной крышкой, обмотанную проволокой. В правом нижнем углу было написано:

*Катрине Шегри  
Дом на колесах, деревня Рыбоводье,  
Южный Адарэн, Хайзе  
ОЭ40 003*

На месте имени отправителя стояла королевская печать. Ну, или подделка под нее, потому что голубым воском, насколько помнила Рина, имел право пользоваться только Рондевул Первый. В поздравительном письме, которое он прислал, когда папу включили в Высший круг художников, было точно такое же изображение ветряной мельницы с семью крыльями – по одному на каждый регион Хайзе. Правда, папа говорил, что поздравление писал никак не король, а кто-то из его секретарей, а король просто печать поставил.

«Они меня с кем-то перепутали? – подумала Рина. – Я еще даже экзамен на Первый круг не сдала...»

Она размотала проволоку и аккуратно сдвинула крышку веткой, готовая отскочить в любой момент: птица из почтового ящика не вылетела, значит, шевелилась сама посылка. Но и внутри ничего пернатого не нашлось, только линялая сумка из парусины, совсем не королевская на вид. Рина осторожно потыкала ее – внутри было что-то твердое. Потом боязливо потрогала – кажется, никакой живности. Пальцы нащупали под грубой тканью прямоугольный предмет – книгу? – и мелкие штуковины в карманах. Вынув сумку, Рина увидела под ней ботинки из красной кожи, явно мальчишечьи, но зато новенькие и очень удобные на вид. Это было весьма кстати! Они оказались великоваты – тонкие ноги торчали из них, словно палочки из арбузных леденцов, – но так было куда лучше, чем стоять босиком на камнях и колкой траве. На дне ящика лежала открытка с посланием:

*«Приветствую вас от имени всего королевства, Семнадцатая Виндера  
Катрина!*

*Отныне судьба Хайзе в ваших руках.*

*Я ничем не могу вам помочь, кроме пары хороших ботинок. Говорят, у Странников это самая нужная вещь. Я бы отправил вам денег, да только деньги теперь никому не нужны. Я приказал бы своим подданным помогать вам, но никто больше не исполняет мою волю.*

*Как король я бесполезен, пока действует проклятье моего сына, и могу лишь пожелать вам попутного ветра. Времени у нас мало, но я убежден, что скоро вы вернете Хайзе свободу!*

*С неугасимой надеждой,  
Рондевул Первый»*

У Рины сперло дыхание. До нее начало доходить, что происходит, хотя верить в это совсем не хотелось. Перед глазами стоял недавний вечер: тесная кухонька в передней части фургона, куда, как шутил папа, нельзя приглашать на чай нестройных особ, теплый свет боковых светильников, поздний ужин в кругу семьи. Обычно раскладную мебель выносили на улицу и ели там, любуясь округой, но тогда для этого было слишком сыро и зябко.

Зато фургон в такое время казался очень уютным. Над столом висел абажур из столовых приборов. Его нижний ряд занимали чайные ложечки, вилки и ножи, на втором висели чашки, а над ними – салфеточный хоровод. В зеркально-чистом серебре и глянце фарфора отражался свет, так что получалась вполне себе яркая люстра, хотя ламп или свечей внутри не было. Вместо них к подносу посередине крепились баночки с маслом, вареньем и медом. Конструкция была ненадежная, поэтому вешали ее только на время чаепитий, и только если фургон никуда не ехал. Но мама все равно гордилась своим изобретением. Оно экономило место, и его удобно было относить в мойку, над которой тоже висел крючок.

Тем вечером папа, как всегда спокойный и элегантный без повода, читал газету и рассказывал всем новости, пока мама, как обычно веселая и взъерошенная, намазывала батон кому вареньем, кому медом, а кому сгущенкой. Но лучше всего у нее получалось намазывать саму себя: ее передник пестрел липкими пятнами всех оттенков.

– Ой! – воскликнула она, шлепнув себе на колени особенно большую малиновую каплю.

Папа с любовью посмотрел на нее и сказал:

– Ты моя сахарная палитра!

Потом вернулся к газете и устало покачал головой:

– Когда уже этого безумца поймают?

– Ты про кого? – спросил Альберт, которому не был виден заголовок статьи.

– Про принца Аскара, конечно, – ответил папа слегка раздраженно. – В последнее время все новости только о нем, как будто ничего другого в мире не происходит.

– Мне так жаль этого беднягу, – вздохнула мама, прикручивая на место банки с намазками. На столе остались только чашки и блюдо с хлебом, который стремительно исчезал. – Говорят, его столкнули с лестницы в детстве, а до этого он был нормальным.

– А мне кажется, он не сумасшедший. – Альберт облизывал с пальцев мед, золотисто-рыжий, как его и папины волосы. – Он уже давно эти записки с угрозами оставляет, а его не поймали до сих пор. Значит, он умный на самом деле.

– Ну, судя по его плану, все-таки нет, – возразил папа.

– Так он его раскрыл наконец-то?! Прочитай! Прочитай быстрее!

Альберт забарабанил ногами от нетерпения, и посудный абажур опасно зазвенел. Папа одарил сына воспитательным взглядом средней тяжести.

– Пожалуйста... – нехотя добавил тот.

Папа прочистил горло и нахмурил брови, вживаясь в роль.

*– «Жалкие ищейки не могут даже напасть на мой след, а я уже почти достроил Ветродуй! Знайте же, что я собираюсь с его помощью заточить всех жителей Хайзе в их дома, как в тюрьмы, чтобы вы поняли, каково мне было сидеть в лечебнице, куда меня упек мой папаша! Вы все проголосовали за мою сестру, лишив меня трона, и я припомню вам это сполна!*

*Но будет чересчур милосердно просто дать вам смириться с судьбой. Я хочу посмотреть, как вы барахтаетесь в попытках вернуть себе прежнюю жизнь, поэтому оставляю вам единственного свободного человека. Странника, Искателя, Виндера – называйте, как угодно. Он будет скитаться по Хайзе в полном одиночестве, пытаясь вернуть вам облик людской – так я сам бродил по пустыне после побега. А я наблюдаю со стороны, как вы медленно теряете надежду. На это у вас будет целых двести лет! Хочу, чтобы вы сполна оценили мою задумку!*

*Если же за два века ни одному из Странников не удастся снять проклятье, оно станет необратимым. А ему не удастся, уж поверьте! Но не потому, что это невозможно, ведь я оставляю вам подсказки, а из-за вашей гнусной натуры.*

*Вы не хотели видеть меня на троне? Да будет так! Я дарю вам моего папушу на веки вечные! Пусть вами правит бесполезнейший из бесполезных королей!»*

К концу монолога испуганный Альберт перестал жевать, а Рина устало закатила глаза. Папа весь покраснел и шумно дышал, газета была измята, люстра звенела. Зато мама аплодировала с таким восторгом, будто только что посмотрела лучшую постановку в столичном театре. Родители, определенно, друг друга стоили.

– А вдруг он и правда это сделает? – с серьезным видом спросил Альберт. – Говорят, он объединился с пустынноиками, а пустынноики умеют кучу запрещенных штук! Ну там... колдовство. Может, они его научили чему-то такому?

– Он же просто блефует, милый, – улыбнулась мама. – Он хочет привлечь к себе внимание, вот и придумывает эти сказки. Король ничего подобного не допустит.

– Но он уже старый! – не унимался Альберт. – А принцесса Оливия – девчонка! Она ему противостоять не сможет!

– Ну, во-первых, принцесса Оливия тебе в бабушки годится, – сказал папа. – А во-вторых, сын мой, очень советую тебе не недооценивать женщин.

Альберт фыркнул, но спорить не стал, вспомнив, что в его семье целых две женщины, и как минимум с одной из них ему пока никак не потягаться. – А ты что думаешь? – пихнул он сестру локтем. – Если будешь столько есть – потолстеешь. Открывай рот хоть иногда, чтобы говорить, а не откусывать.

Рина злобно пнула его в ответ. Она не любила, когда ее отрывали от размышлений. Пустынноиков вообще-то называли колдунами, но Альберт с пеленок придумывал всему свои названия, и они как-то сразу приживались в семейном кругу.

Никто не знал, правда ли колдуны живут в пустыне, потому что никто туда не ходил. Куда безопаснее и быстрее было добираться до соседних земель на кораблях. Но по королевству ходили слухи о том, что северная пустошь стала приютом для людей, которые занимаются запрещенной магией – колдовством. По законам Хайзе разрешено было только кудесничество, то есть магия, связанная с изменением предметов. А любое магическое влияние на людей еще пару веков назад запретили как небезопасное.

– Я согласна с мамой, – сказала Рина, допив имбирный чай. – Задумка принца – бред полнейший. До этого он писал, что Ветроудуй вызовет Великий ветер, который разнесет проклятье по всему королевству. Да какой искусственный ветер на такое способен? И вообще – мы последние, кому стоит об этом волноваться. Мы же на южной окраине Хайзе, а записки находят на самом севере. Ни одно проклятье сюда не долетит.

После ужина Альберт продолжил строить теории, а Рина забралась на свою кровать и задернула шторку, чтобы всякая рыжая мелочь не совалась в ее убежище. Она хотела спокойно дочитать книгу про великанов, которую начала вчера, но Альберт был слишком возбужден. Он почти выучил статью наизусть и, конечно, полез к Рине ее обсудить.

– Ой, сгинь! – отпихнула его сестра. – Ты мне уже надоел за сегодня!

– Да ты со мной почти не разговаривала! – насупился Альберт.

– И, представь себе, не соскучилась!

Рина демонстративно уткнулась в книгу, но Альберт был прямо как ириска – такой же рыжий и липучий.

– Двинься, я залезу!

– Ты умылся бы хоть! У тебя на руке сгущенка до сих пор! Всю постель мне изляпаешь!

– Да я оближу!

Альберт залез-таки на кровать сестры – благо они легко умещались вдвоем на полуторке – и даже нагло укрылся ее одеялом.

– Ну ладно, что там у тебя? – сдалась Рина. – Только давай быстрее. Скоро свет выключат.

– А вдруг кого-то из нас выберут Странником? – громко зашептал Альберт. – Вот представь, ты осталась одна в целом мире! Что ты будешь делать?

– Радоваться! – зло заявила Рина. – Буду радоваться, что меня наконец-то оставили в покое. Потом запрусь в столичной библиотеке, натаскаю туда разных консервов и буду читать, пока не состарюсь и не умру. А потом крысы обглодают мои счастливые косточки! Все, конец истории.

И она громко захлопнула книгу.

– Мне кажется, тебя переходный возраст не в девушку превратит, а сразу в старую каргу! – заявил Альберт и получил за это увесистым томиком по макушке.

В тот момент Рина была уверена, что, и правда, будет счастлива в одиночестве. Но теперь она испытывала что угодно, кроме счастья, и в первую очередь подумала совсем не о библиотеке и консервах, а о том, что случилось с ее семьей, да и вообще с миром. И можно ли это исправить. А главное – как?

В открытке не было ни намека на объяснения, в которых Рина отчаянно нуждалась. Она аккуратно расстегнула сумку и достала оттуда книгу в потрясающе красивом переплете с объемным тиснением в виде птицы. Она была защелкнута на серебряную застежку, и открыть ее не вышло, зато на колени упала карта Хайзе с красными точками главных городов – наверное, лежала между страницами. Кроме нее в сумке было что-то вроде монокля с тремя разными стеклами и не на цепочке, а на ремешке: он одевался, как повязка пирата. Рина сначала подумала, что это ожерелье, потому что линзы защищала золотая крышка, похожая на половинку глобуса. Еще в сумке был медный свисток в форме львиной головы. А в крошечном внутреннем кармане лежал перстень, выточенный из белого камня. В последнюю очередь Рина заметила в боковом отделении зеркальце с ладонь величиной. Что со всем этим делать, она понятия не имела, и ни один из предметов не годился на роль ключа. Уже потом, внимательно рассмотрев книгу, Рина поняла, что замочной скважины там попросту нет.

– Ну и как же ты тогда открываешься?

Словно услышав ее, серебряная застежка щелкнула. Переплет сам собой распахнулся, и страницы белым водопадом перелились на левую сторону. От испуга Рина выронила книгу. Та шмякнулась в траву, и стало видно, как на бумаге проступают графитовые буквы:

*«Здравствуй, Семнадцатый Странник или Странница!*

*Если ты читаешь это письмо, значит, тебя избрали на замену мне – Шестнадцатой Страннице Аделине. Чаще нас называют Виндерами или Винде́рами. Это слово из устаревшего языка означает “искатель”. Ты, наверное, уже заметил, как сильно изменился мир, и поэтому сейчас растерян и напуган, как и я в свое время. Еще вчера все было в порядке, а сегодня ты словно бы попал в дурной сон, не правда ли?»*

– Еще как правда! – выпалила Рина, сев на корточки и склонившись над книгой. Русые волосы до плеч закрыли ей обзор, и она торопливо заправила их за уши.

*«Странники не помнят время, которое провели в заточении. Поэтому нам кажется, что мы уснули в одном мире, а проснулись в другом. На самом деле, прошло уже почти двести лет с тех пор, как принц Аскар запустил Ветроудуй, и сейчас ты – единственный человек во всем Хайзе из плоти и крови. Все остальные превратились в дома.*

*Думаю, тебя в первую очередь волнует судьба твоих близких, поэтому сразу скажу: с ними все в порядке. Сколько бы лет ни прошло, их тела не состарились ни на минуту. Ищи их там, где они были в момент запуска Ветроудуя. Позови, и они откликнутся на твой зов. Ты увидишь кругом*

*ожившие вещи, но не бойся, что сошел с ума. Это заключенные внутри души людей заставляют их двигаться.*

*Если никто не ответил – не пугайся. Это значит, что твои близкие спят. Разбудить их можно простым прикосновением. Обычно они вселяются в самые крепкие и долговечные предметы в доме. Или в самые любимые. Как бы то ни было, они выглядят новее и крепче остальных.*

*Если и это не сработало, вернись к чтению. Книга подскажет, где еще их можно найти».*

– Я тебя просто обожаю! – Рина от избытка чувств сочно чмокнула послание Странницы. Книга при этом едва заметно затрепетала. – Они не откликнулись, когда я их звала. Значит, они где-то спят!

Она снова схватила ветку и принялась откидывать железные пластины. Руками трогать не решилась: их края были опасно зазубренными, а еще под ними могли прятаться мыши или змеи, да и к муравьям не очень-то хотелось подходить.

Сил Рина не жалела, однако с завалами пришлось повозиться. Кусты, проросшие через Букашку, мешали в поисках, и почти все превратилось в труху, которую они использовали как удобрение. От папиных картин и холстов ничего не осталось. Более-менее сносно выглядела только коробка темперы.

– Папа, ты тут? – спросила Рина, хватая ее.

Даже когда она стерла грязь и пыль с крышки, коробка осталась безмолвной. Краска внутри тюбиков давно высохла и окаменела. Мамы не было ни в серебряных шпильках для волос, ни в драгоценностях. А что касается Альберта – Рина напрасно искала его кожаный блокнот с заметками о яблоках. Наверное, он давным-давно стал трухой.

Поиски становились тщетными, и память, как это часто бывает, когда что-то теряешь, начинала подводить.

– Может, мне только кажется, что тогда все были дома? – пробормотала Рина. – Может, на самом деле дома только я и была, а они все уехали в Эрге готовить выставку?

Она стряхнула муравьев с ладоней и поддела веткой очередную пластину. Под ней оказался резной ящик наподобие шкатулки, только большой. Очистив крышку, Рина поняла, что это ларец, в котором папа хранил свои туалетные принадлежности. Она освободила его из плена вьюнков и открыла. Внутри лежал набор для бритья, одеколон со знакомым запахом кедра, целая коллекция запонок, ножнички для подрезки усов и маникюрный набор: папа тщательно следил за своими руками. Рина порылась во всем этом, чувствуя легкий стыд. В отличие от Альберта, она никогда не копалась в чужих вещах, а вот братец частенько нырял сюда, чтобы примерить дедушкины золотые часы.

Они лежали в лакированном чехле, уютно свернутые вокруг специальной подушечки. Альберт спал и видел, когда ему исполнится восемнадцать и папа подарит ему эти часы. Он обожал покойного деда и каждый раз жадно глазел на них, как сорока на блестяшку.

«Точно! Вот где он может быть!»

Часы были добротные и красивые – с коричневым кожаным ремешком и циферблатом такого же цвета, на котором блестели золотые цифры и три изящные стрелки. Ясное дело, за столько лет у них кончился завод, и они не работали.

– Альберт, ты здесь? – спросила Рина, достав часы из шкатулки.

Тоненькая секундная стрелка дернулась и начала описывать стремительные круги, словно за ней что-то гналось под стеклом. Рина совершенно точно не трогала заводную головку! Значит, это Альберт.

– Ну наконец-то я хоть тебя нашла! А где мама и папа? Ты знаешь? Я их обыскалась, нигде нет!

Альберт перестал приветственно крутиться, и тут в движение пришла еще одна стрелка – минутная. Она суетливо бегала: шагок вперед, шагок назад, а за ней ожила фигурная часовая и спокойно пошла по кругу.

– Мам, пап, вы тоже тут? – ахнула Рина. – Правда же? Правда?

Альберт закрутился, минутная стрелка задергалась еще сильнее, часовая степенно пошла в другую сторону. Все напряжение вмиг покинуло тело, а Рина только на нем и держалась. Ноги сразу же стали ватными, в горле разбух противный комок, и она разревелась, прижимая часы к груди.

– Букашка!.. – всхлипывала Рина. – Букашка совсем сломалась! А вы все теперь – часовые стрелки!.. И я хочу проснуться, но не могу... Король мне прислал письмо... Он сказал, что я теперь Странница.

Это было весомым поводом для хандры, но поплакать вдоволь не удалось из-за муравейника по соседству.

– Ай!

Рина стяхнула с ноги муравья и поняла, что по ней ползет уже целый отряд, и они вот-вот проложат дороги по ее спине, а еще она стоит больной коленкой на ворохе грязи и щепок – не очень-то умная идея в мире, где все лекарства просрочены на два века. Рина отряхнулась и отошла подальше от полумобилия.

– Так, ладно, – сказала она, утерев слезы. – Главное, не впадать в панику. Для начала нам надо придумать способ общения. Давайте так: шаг вперед будет значить «да», а шаг назад – «нет». Колебание туда-сюда – это «не знаю». Потом остальное добавим, ладно?

Стрелка-Альберт не переставала крутиться.

– Ну что ты как маленький? – рассердилась Рина. – Я знаю, что ты любишь все делать мне назло, но сейчас вообще не то время!

Альберт продолжал непослушно крутиться.

– Ну и вредничай! – фыркнула Рина. От злости у нее даже сил прибавилось. – Мама, ты тут?

Минутная стрелка сделала шагок вперед.

– Отлично! Пап, а ты, значит, часовая?

Фигурная стрелка плавно сдвинулась в том же направлении.

Рина торопливо надела часы на руку, затянув ремешок как можно туже, но они все равно спадали с запястья.

«Анжелика, ты должна кормить ее силком! – всплыли в памяти слова бабушки Вельмы. – Сколько еще я должна краснеть за твою дочь перед гостями? Альберт такой замечательный здоровый мальчик, а у Катрины просто болезненная худоба! Она прямо как птичка. Такие тонкие косточки, и саму ее того гляди ветром унесет».

– Придется сделать тут еще одну дырку... – сказала Рина, отгоняя неприятные воспоминания. – А вам не будет больно от этого? Вы вообще чувствуете боль?

«Нет», – уверенно заявил папа.

Альберт закрутился как сумасшедший. Его драгоценные часы собирались испортить!

– Ой, да знаю я! – вспыхнула Рина. – Я постараюсь очень аккуратно, правда. Иначе я их просто потеряю, а с ними и всех вас заодно. Или ты хочешь, чтобы я оставила тебя тут?

Братец тут же угомонился. Чего-чего, а проспать все самое интересное, лежа в ящике посреди развалин, он не хотел.

– Так-то лучше, – буркнула Рина и достала из папиной коробки ножнички для подрезки усов. Она сделала ими еще одно отверстие в ремешке, и вот теперь часы держались хорошо, хотя и выглядели нелепо на ее тонком запястье. Они были слишком тяжелые, слишком массивные, и Рина подумала, что, наверное, понимает теперь, зачем люди увешивают себя золотом.

С ним они чувствует себя веселее во всех смыслах. Рине эта тяжесть тоже была приятна, но в другом качестве. Она напоминала, что ее семья тут, совсем рядом, хотя и в таком вот виде.

– Вам, наверное, интересно, что тут произошло? Если честно, я совсем ничего не помню. Я спала, а потом проснулась, а вас рядом нет, и везде одни руины! Предыдущая Виндера мне написала, что с запуска Ветродуя уже почти двести лет прошло... Звучит как полный бред, но думаю, это правда.

Альберт закрутился, словно вертушка в ураган. Ему явно не хватало трех вариантов ответа, и он не давал Рине увидеть движение других стрелок.

– Ладно, давай договоримся, – сдалась она. – Если ты крутишься по часовой, это значит, что ты взволнован. Если против часовой – ты злишься. Если делаешь полукруг вправо, это значит, что ты просишь объяснений, а если влево – ты встревожен. Нижняя дуга – тебе радостно. А верхняя – грустно. Запомнил?

«Нет», – надуто сообщил Альберт.

«Не уверен», – поколебался папа.

«Ой, нет-нет-нет!» – засуетилась мама, мелко семена назад.

– Ну, смотрите, тут же есть своя логика. – Рине очень нравилось, когда во всем была своя логика. – То, что положительное – вправо. Поэтому «да» и «я взволнован» – по часовой стрелке.

Шаг и полный оборот соответственно. А «нет», злость и тревога – против часовой. Они распределены по силе эмоций. Нет – шагок, тревога – полукруг, злость – полный круг. Правая дуга немного похожа на знак вопроса, так ее и будем использовать. Нижняя – это улыбка, поэтому радость. А верхняя – улыбка наоборот. Теперь понятно?

На этот раз все всё поняли и тут же принялись «разговаривать».

«Я очень-очень зол!» – сообщил Альберт.

– Из-за того, что выбрали не тебя, а какую-то девчонку? – фыркнула Рина.

«Зол-зол-зол!» – не унимался Альберт.

«Я встревожена!» – объявила мама, описывая дугу туда-сюда, прямо как дворник на лобовом стекле полумобиля в дождь.

«Я взволнован!» – удивил всех папа, сделав полный оборот, но даже крутился он неторопливо и элегантно.

Сама Рина была и взволнована, и встревожена, и обрадована, и зла одновременно. Она вернулась к книге и продолжила читать. Сначала хотела из вредности про себя, чтобы досадить Альберту, который требовал объяснений, но в часах были еще родители, а на них Рина не злилась.

*«Миссия Странника – снять проклятье принца Аскара, а для этого нужно снова запустить Ветродуя – огромную мельницу на севере Хайзе, – но только в обратную сторону, против часовой стрелки. Беда в том, что нельзя это сделать, пока устройство не закончено. После того, как оно сработало, принц Аскар вынул из него семь кнопок и спрятал их по всему королевству, да так, что найти их очень и очень сложно.*

*Каждая кнопка, если ее вставить в подходящее отверстие на Ветродуе, включает механизм, который выпускает крыло мельницы. Иными способами добиться этого невозможно, лучшие механики и кудесники уже пробовали, так что не трать время на пустые попытки.*

*Шесть кнопок мы уже нашли. Осталась только последняя, и большая часть пути к ней пройдена. Я хотела закончить все сама, но мое тело уже слишком старое и слабое, и я боюсь не успеть – через три месяца проклятье станет необратимым.*

*Отныне все в твоих руках, молодой Странник, а точнее – в твоих крепких ногах. Не стану утаивать правду – тебя ждет опасный и трудный путь, но предыдущие Виндеры уже выстлали тебе дорогу своим опытом и знаниями. Тебе осталось только сделать последний из тысячи шагов, которые мы прошли, и весь мир будет помогать тебе в этом.*

*Прости, но ты не сможешь отказаться от своей роли до тех пор, пока не найдешь седьмую деталь. Только те из Виндеров, кому удалось отыскать кнопку, имеют право снова уснуть. Я нашла целых две и тянула до последнего, чтобы найти оставшуюся. Уверена, она совсем близко, и тебе не придется долго плутать. Поэтому прошу тебя, запусти Ветроудуй и закончи мою миссию».*

На этом запись исчезла. Страницы книги вновь были чистыми, словно буквы впитались в них, как чернила в непромокашку.

– Но почему именно я? – недоумевала Рина. – Почему из всех людей именно меня выбрали? Это просто случайность? Как в лотерее?

Листы начали переворачиваться сами собой, и на них в разных местах появлялись слова. Это происходило так быстро, что Рина едва успевала читать.

«Сама судьба... выбрала... тебя... для этой цели... Среди Виндеров не бывает случайных людей... Эту роль... дают лишь тем, кто... способен запустить Ветроудуй... Тем, у кого для этого... есть все необходимое».

– Необходимое – это ноги, что ли? – съязвила Рина. – Даже если я напрягу всю фантазию, вряд ли найду у себя что-то полезное, кроме них. У меня ни талантов, ни опыта, ни мозгов, и мне всего четырнадцать лет! Судьбе надо было выбрать кудесника с парой ученых степеней, а не меня.

«Вот именно!» – тут же подтвердила мама.

Папа с ней согласился.

Оно и понятно, какой родитель захочет подвергать опасности своего ребенка? Но Рине почему-то стало обидно.

«Дура-дура-дура!» – мерещилось ей в гневном кружении Альберта.

– А ты бы, конечно, не струсил! – огрызнулась она сквозь слезы. – Что ж, очень жаль, но судьба не заметила твоего героизма!

Братец был младше ее на четыре года. Раньше они неплохо ладили, но в последние годы Альберт невыносимо раздражал. Мама говорила, что это все переходный возраст Рины. Из-за него она стала такой ранимой и вспыльчивой. Это ее тоже раздражало. К ней относились так снисходительно, будто она заболела или вроде того.

Книга, судя по всему, работала как справочник и отвечала на заданные вслух вопросы. Это было удивительно. Рина даже не знала, что кудесники способны создать нечто подобное. Чтобы проверить свою догадку, она спросила:

– А что это за странные штуковины в сумке? Зачем они нужны?

На бумаге появились новые мелкие буквы. Судя по округлому почерку, это было продолжение письма Аделины.

*«Я посылаю тебе в помощь достояние прошлых Странников. Это поистине бесценные вещи. Самая древняя и важная из них – дневник. Наследие одного из первых Виндеров – Натана. Относись к нему внимательно и с почтением. Это пожилой и очень мудрый человек. Именно он был тем, кто нашел первую кнопку Ветроудуя.*

*Закончив свой путь, Натан поместил себя и свои знания в эту книгу, чтобы его опыт не исчез вместе с ним и новому Страннику не пришлось*

*узнавать все заново. С тех пор многие Виндеры вели этот дневник. Все наши самые важные мысли и догадки записаны здесь. И тебе тоже следует вносить сюда ответы на те вопросы, которых нет в книге. Но используй для этого только специальный карандаш, приложенный к дневнику. Ты найдешь его в самом начале».*

Карандаш выглядел как длинный восковой мелок. Но сделан он был явно не из воска, а из твердого материала. Рина вытащила его из крепления на форзаце и убедилась, что стержня внутри нет. Она провела острым кончиком по листу и увидела тонкую графитовую линию, которая тут же впиталась в бумагу. Стоило вернуть карандаш на место, как дневник продолжил проявлять письмо Аделины.

*«Думаю, ты уже понял, что Натан не только показывает мои записи, но и отвечает тебе сам, комбинируя слова Странников. Он бесценный советчик и друг. Его подсказки не раз уводили меня от опасности, поэтому я прожила долгую жизнь. Когда тебе нужно будет что-то узнать, позови Натана по имени и задай ему вопрос. Но не докучай ему, если просто хочется поболтать. Натан отвечает только по делу. Глупые или пустые вопросы он игнорирует».*

– Значит, это не просто кудесничья штукавина, а настоящий живой человек? – осознала Рина. – А я-то думала, тут специальный механизм внутри...

«Отчасти... ты права, – согласился Натан. – Этот дневник создал кудесник... Приветствую тебя... Семнадцатая... Страница... Как мне... обращаться к тебе?»

– Можете называть меня просто Рина. Мне короткое имя привычнее, а вообще я Катрина Шегри. И простите, пожалуйста, что я вас уронила. Я это от испуга.

Книга, к счастью, была цела, только чуть запылчилась. Рина подняла ее и бережно отрянула.

«Рад встрече... Ри... на... Такого имени... внутри меня нет... Пожалуйста... впиши его».

– Да-да, конечно. А как мне вас называть? «Как угодно, только... не надо церемоний».

– Тогда можно дедушка Натан? А то просто по имени мне неловко... Вы все-таки намного старше меня.

Книга никак не отреагировала, и Рина понадеялась, что молчание – знак согласия, а не символ того, что мудрец оскорблен идиотским вопросом. Чтобы проверить это, она спросила:

– Дедушка Натан, а зачем нужен монокль?

На бумаге появился новый абзац:

*«С книгой я отправляю тебе вторую важную вещь. Это карта, сделанная кудесником Элаем – Шестым Странником. К ней в пару идет тройная луна. Я не буду объяснять, как она работает, посмотри сама».*

Рина повертела в руках прямоугольник размером с блокнот. Он был чем-то похож на голографическую открытку – такой же толстый, жесткий и со странной рябью на поверхности. Но под разными углами картинка не менялась и была матовой.

Сама карта показывала полуостров Ирок, хорошо знакомый Рине по школьным атласам. Если включить воображение, можно было увидеть в его контурах спящего медведя. Своей холкой он крепился к материку и граничил в этом месте с пустыней Ниори, его круглая спина омывалась заливом Рей, сложенные вместе задние лапы плескались в водах Андического моря. Одну переднюю он подложил под голову, образовав треугольник внутреннего моря Оби, а другая свободно разлеглась в направлении Южного океана. На кончике задней лапы, у самых берегов моря Харанос, находилась деревня Рыбоводье. Но на карте не было ни ее, ни даже города Эрге. Только столица Южного Адарена – город со знаменитыми мозаичными домами – Лития,

до которой отсюда было километров двести. Такой огромный на самом деле, на карте он был отмечен крохотной красной точкой. Еще шесть таких точек обозначали столицы других регионов.

Рина подстроила ремешок монокля под себя и посмотрела на карту через нижнюю линзу.  
– Ого!

Теперь пустое зеленое пространство было словно созвездиями испещрено более мелкими городами. И все их Рина отлично видела, как если бы карта была размером со школьную доску. Только ориентироваться в этой паутине стало неудобно. Рина свободным от линзы глазом снова отыскивала кончик медвежьей лапы, потом взглянула на него через монокль и без труда нашла Эрге. А потом и Рыбоводье, когда опустила вторую линзу, и карта стала еще подробнее. Теперь она показывала села и деревни, а еще нити мелких рек и торговые тракты. Третья линза заставила каждую точку распахнуться в сеть улиц с номерами домов и даже надписями вроде «Булочная», «Центральная площадь», «Южный рынок».

– Как все это умещается на таком крохотном прямоугольнике? – поразилась Рина. – Шестой Странник точно был гением... Дедушка Натан, а зачем нужно зеркало?

«Это ты узнаешь чуть позже».

– А кольцо?

Оно было ей велико и держалось только на большом пальце, да и то не слишком крепко.

*«Еще я отправляю тебе королевский перстень, который получила в дар от самого Р. Первого. Его изобрел специалист по ядам, чтобы короля не могли отравить. Отныне в любом месте, как бы доброжелательно к тебе ни относились хозяева, прежде чем есть и пить то, чем они тебя угощают, всегда надевай этот перстень и обмакивай его в жидкость или прижимай к твердой пище. Если в еде содержится яд, камень станет малахитовым. Если нет – останется белым. Не пренебрегай этим правилом и будь осторожен. Многие дома могут выглядеть дружелюбно, но попытаются тебя убить».*

– Но зачем? – ужаснулась Рина. – Я ведь должна их спасти! Зачем им меня убивать?

Страницы книги перелистнулись почти в самое начало, и Рина увидела другой почерк, более убористый, с узкими буквами и наклоном влево.

*«Я узнал! Я наконец-то узнал, почему меня пытались убить! Дома верят, что если прикончить Виндера, то сам станешь Виндером! И некоторые так отчаялись, что готовы на все ради свободы! А иные не верят, что я гожусь на эту роль. Они думают, я зря трачу время, и хотят заменить меня! На самом деле эта дурацкая легенда – наполовину ложь. Тут все дело в законе замещения. Если Странник погибает, его роль переходит к ближайшему человеку. И далеко не всегда это убийца. Если же Виндер отказывается от роли добровольно, мир получает время на выбор нового, так что есть избранные Странники, а есть заместители».*

## Глава 2

### Живые вещи

После таких новостей Рина ни за что не хотела спускаться с холма. Она даже не пошла к колодцу, чтобы промыть ранку. Просто вылизала ее как кошка, сплевывая грязь, и оставила сукровицу подсыхать. Колено заметно вспухло, ходить было больно, и Рина чуть не плакала от обиды. Как-то глупо все это началось. Самое ценное, что есть у Странника – его ноги, а Рина хромала с первых секунд. Она не хотела думать, что это плохой знак, но все-таки думала.

– Ничего страшного, – успокаивала она себя. – До меня была целая куча Виндеров. Если я прочту все их записи, то не попаду ни в одну ловушку.

Но дневник начинали и заканчивали десятки раз. Натан для наглядности проявил все когда-то написанные в нем строки, и Рина увидела, что страницы почти сплошь серые.

«На прочтение всех томов... уйдет несколько месяцев, – сообщил он, – а у нас... осталось всего три... Я расскажу тебе основное, что нужно знать, а потом будешь задавать вопросы по ходу дела».

Но даже это оказалось трудной задачей: большинство Виндеров писали так коряво, будто их в это время на мельничном крыле крутило, и мало кто сумел переложить свой опыт на бумагу легко и понятно. Это был не художественный текст, к которому привыкла Рина, и она промаялась с ним до самого вечера.

«На сегодня хватит, – наконец сообщил дневник. – Позаботься... о ночлеге... пока солнце не село».

Рина встала, размялась и посмотрела вдаль. Сначала пейзаж был мутноватым из-за напряжения в глазах, но потом стал четким. На юге раскинулось стеклянно-гладкое море цвета грейпфрутового сока. Алое солнце и его отраженный двойник медленно катились на запад, как лимонные кругляши по краю стакана. Рина даже скривилась от такого сравнения. Ранетки на дереве, которое она заметила утром, оказались кисло-горькими, сорта «Кошмар Альберта», не иначе. Они набили ей оскомину, и после них ужасно хотелось есть, но других фруктовых деревьев поблизости не было, рыбачить Рина не умела, а в деревню идти боялась.

– В общем, я поняла три вещи, – сказала она. – Во-первых, все кнопки и подсказки находили в местах, которые были как-то связаны с принцем Аскарком. Во-вторых, чаще всего их хранят люди, у которых нет особого желания помогать Виндерам. В-третьих, доверять никому нельзя...

«Мне можно», – возразил дневник.

– Интересно, где находится последняя кнопка? – пробормотала Рина, бросив в воду очередной яблочный огрызок. – Мне кажется, ее трудно будет найти, потому что каждую новую подсказку прятали лучше предыдущей. Первую написали прямо на воротах дома умалишенных, в котором держали принца Аскара. Это было легко. Ради второй уже пришлось обойти весь город и перетрясти все почтовые ящики. А третья была у старого рыбака, который возил принца на островок посреди озера, когда тот был маленьким, и учил его делать секретки из ракушек. Он ни за что не хотел рассказывать, где они закопали последний. С каждым разом все сложнее и сложнее...

«Ты... верно... мыслишь, – согласился Натан. – Но мы тоже не спущенные паруса... Мы научились за эти годы упрощать себе задачу... Я расскажу тебе об этом завтра... Сейчас... позаботься о себе».

– Дедушка Натан, – сказала Рина, глядя на неподвижную воду, – а кто-нибудь из Виндеров пробовал добраться до соседней страны и попросить там помощи? С севера-то пустыня, ее не пройдешь, но с остальных трех сторон – море. Можно доплыть до южных островов или

до Артории, если обогнуть мыс. Ветра, конечно, нет, но наверняка где-то есть живые лодки и пароходы. Им ни паруса, ни топливо не нужны.

«Среди первых Странников... было несколько опытных моряков, – ответил Натан. – Однако никто из них не вернулся из путешествия. И никто не знает, что с ними стало... Некоторые... пытались пересечь пустыню, но безуспешно... Похоже, проклятье не только не выпускает Виндеров за пределы Хайзе, но и защищает его от вторжений. Как иначе объяснить тот факт, что за столько лет в порты королевства не прибыл ни один иноземный корабль?».

– Ну конечно, это уже проверили до меня...

Рина вздохнула и перевела взгляд на холмы, окантованные тесьмой дороги. Странники обычно ходили по торговому тракту. И не только потому, что он был самым удобным, просто только он и сохранился за два века. Его построили кудесники по заказу короля, поэтому годы не смогли ему навредить. Ни один камень не треснул, и ни одна травинка не проросла через плотно подогнанный булыжник. Обычные дороги давно уже исчезли, и многие места превратились в дикую глушь. Звери теперь куда вольготнее чувствовали себя рядом с жильем. Сходить с тракта было небезопасно, но иногда приходилось. На этот случай Шестнадцатая Страница передала Рине свисток в виде львиной головы. По ее словам, он отпугивал животных. – Интересно, с какого расстояния хищники чувствуют запах крови? Надо бы колено забинтовать...

Рина поежилась одновременно от страха и вечерней прохлады. Она хотела запалить костер из рухляди, но не умела: таким в их семье всегда занимались папа и Альберт. Да и они не разводили огонь по старинке, а поливали дрова чем-то горючим и поджигали искроделом. Где теперь все это искать? Пришлось всерьез обдумывать ночевку на яблоне. В конце концов, у нее была для этого пара приличных веток.

– И почему король не прислал мне еду и одежду? – проворчала Рина, оглядывая хлам, оставшийся от Букашки. – Почему только ботинки? Мне же нужна куча вещей. Бутылка для воды, палатка, ножик, да хотя бы спички!

Вопрос не был обращен к дневнику, но Натан ответил.

«Потому что... если у тебя будет все... необходимое... ты сможешь долго... избегать своей миссии... из-за страха... А у нас мало времени... Нужные вещи... дадут тебе... дома... Главное – преодолеть первый порог».

– По крайней мере, не сегодня, – пробормотала Рина. – Я еще хочу немножечко пожить. Заночую пока на яблоне, поем ранеток... Только бы укрыться чем-нибудь, а то холодно... С этой стороны даже хорошо, что ветра нет.

Она прикидывала, как бы устроить себе гнездо на ночь, но ее отвлек шум со стороны холмов. Глаза уже достаточно отдохнули, чтобы разглядеть вдали крохотные белые точки. Их было шесть или семь – то ли козы, а то ли овцы – и двигались они ненормально быстро.

«Дикое стадо? А почему оно бежит? От хищника?!»

Рина схватила сумку и уже собралась лезть на яблоню, но заметила позади отары стран- ный блеск. Он так заинтриговал ее, что она не смогла уйти, не рассмотрев, что это такое.

Белые точки делались все больше, разбухали, как рисинки от воды, и скоро стало видно, что это все-таки козы и что гонит их никакой не хищник, а... велосипед. На солнце блестела его металлическая рама. Рину это зрелище впечатлило куда сильнее самоходных стрелок и живого дневника. На велосипеде никто не ехал, он сам по себе крутил педали, подгоняя коз в сторону Рыбоводья. Колеса лавировали между кочек и кротовых нор с такой ловкостью, словно холмы были идеально-гладкими. Велосипед не подпрыгивал и не заваливался вбок на поворотах. Он двигался изящно, как конькобежец. Рина застыла, разинув рот и не в силах пошевелиться, до тех пор, пока велосипед не подъехал совсем близко – к пологому подъему, который вел к Букашке.

Увидев наверху человека – если, конечно, велосипед мог видеть – он остановился и включил фонарик. Наверное, тоже не поверил своим глазам. Прошла минута. Две. Козы, утомлен-

ные бегом, принялись щипать траву. Рина тихонько сделала шаг вперед, потом еще один и похромала вниз, не обращая внимания на суету стрелок в часах.

– Клим, это ты? – спросила она.

Фонарик потух. Велосипед приветственно звякнул и покатился к ней вверх по склону. Так и они и встретились – девочка с ободранным коленом в пижаме и красных ботинках и старый велосипед с корзиной на багажнике, местами зеленый, цвета мятных пастилок, а местами, там, где краска ободралась, обнажив металл, позолоченный закатом.

– Привет... – Рина прикоснулась к истертому рулю так осторожно, словно перед ней был дикий лев. – Значит, ты пас коз, когда это случилось?

Клим ответил коротким «дзинь».

Натан рассказывал, что люди, которые не были дома в момент запуска Ветродуя, превратились в ближайшие пригодные для этого вещи. Клим всегда пас отару на своем велосипеде. Неудивительно, что он в нем застрял.

– Погоди, но мне сказали, что это было ночью... – Рина отступила на шаг, испугавшись сама не зная чего. – Принц Аскар запустил Ветродуя среди ночи, чтобы как можно больше людей были дома в этот момент. Зачем тебе пасти коз в темноте?..

Велосипед молчал и не двигался. Да и что он мог, кроме как дернуть за рычажок звонка? Пришлось Рине самой обдумывать версии.

– А может, ты не пас их, а искал? Ты говорил, что они иногда теряются, и тебе приходится искать их по темноте...

«Дзинь», – подтвердил Клим.

Напряжение немного спало, и Рина почувствовала, как трясутся коленки. Она уже готова была лезть на яблоню, если Клим вдруг погонится за ней, но не хотелось ждать такого от друга. Они ведь все еще друзья?

Клим был старше Рины на два года и жил вместе с бабушкой в маленьком доме у перекрестка. Они познакомились пару недель назад, не считая веков забвения.

В тот день Рина гуляла по округе и присела отдохнуть под деревом на одном из холмов, откуда открывался отличный вид на Рыбоводье. Клим заметил ее издали и пригнал коз поближе. Когда Рина поняла, что он едет к ней, то чуть не сбежала: для нее не было ничего хуже встреч с незнакомцами и особенно с мальчишками. Но Клим оказался безобидным. У него было загорелое лицо, бледно-голубые глаза и завязанные в хвостик волосы, светлые, как цветущий ковыль. Он поздоровался, спросил, не мешает ли, и предложил ей козьего сыра. Они перекинулись парой слов, а потом просто сидели и молчали, глядя на коз. И в этом молчании, на удивление, не было ничего неловкого. Никто не думал, как бы завязать разговор. Никто не пытался заполнить тишину вопросами. Они просто ели сыр и конфеты, которые Рина прихватила из дома, и все было так, словно было так каждый день много лет подряд.

«Лучший способ для меня понять, смогу ли я подружиться с человеком, – подумала тогда Рина, – это проверить, приятно ли с ним молчать».

На другой день они встретились снова, хотя уговора не было. И вот уже две недели Рина пасла вместе с Климом коз, и это доставляло ей даже больше удовольствия, чем книги – редкое явление. И потому в тот ненастный вечер, когда они всей семьей обсуждали планы принца Аскара, Рина была сильно раздражена. Она ходила на прогулку, несмотря на холод, обмотавшись дождевиком, но Клим загнал стадо пораньше из-за непогоды, и они так и не пересеклись. А теперь перед Риной стоял двухсотлетний велосипед.

– Один звонок – это «да», а два – это «нет», договорились? – спросила она.

«Дзинь», – подтвердил Клим.

– Ты меня помнишь?

«Да».

– Рада тебя видеть! Как ты? Все нормально?

«Вполне».

Клим объехал ее со всех сторон, будто разглядывал. Рине стало страшно, что он попробует столкнуть ее с холма, а еще очень неловко за свою одежду: майка совсем тонкая, а шорты неприлично короткие.

– А я так себе, – сказала она, стараясь не стоять к нему спиной. – Я спала в часах, а потом проснулась и узнала, что уже двести лет прошло.

«Так и есть», – подтвердил Клим.

И все-таки Рина его почти не боялась. Во-первых, они когда-то дружили. Во-вторых, дома пытались убить Странников в основном ради свободы, а Клим был относительно свободен. Еще одной причиной было недоверие к Виндерам. Некоторые люди считали, что куда лучше справятся с этой ролью. Но, судя по тому, что Клим по-прежнему пас коз на этих холмах, он все еще любил свою спокойную деревенскую жизнь, и ему не сдалось рисковать ей ради спасения Хайзе. Чего-чего, а героизма у Клима в крови не было. Рина узнала это от него самого в их без двух веков недавнем разговоре.

– А какое у тебя любимое время года? – спросил тогда Клим.

Они сидели под большим орехом у озера, куда он пригонял стадо на водопой, и жевали пресные лепешки с луком, запивая их лимонадом.

– Все, кроме двух недель в конце года, – ответила Рина. – Ненавижу это время, потому что у нас экзамены, и учителя каждый раз меня донимают.

А ты уже выбрала, кем хочешь стать, деточка? Как это ты еще не знаешь? А откуда я знаю, кем хочу стать? У меня ничего особо хорошо не получается. Рисую я так себе, актриса из меня ужасная. Это Альберт у нас все родительские таланты собрал. Ты бы видел, какие яблоки он в блокноте рисует и как разыгрывает бабушку ради карманных денег. Чтобы выбрать профессию, нужно знать, в чем ты хороша, а я во всем так себе.

– Просто выбери то, что тебе нравится, – предложил Клим. – У тебя же есть что-то любимое?

– Ну, я книги люблю, – сказала Рина без особого энтузиазма. – Одно время даже придумывала свои истории, но записывать их слишком трудно и долго. Я больше читатель и иногда представляю себя библиотекарем, но от этого, если честно, тоска берет. Хочется чего-то большего...

Клим прилег было на траву, но ему в спину вонзилась сухая ветка. Он замахнулся и бросил ее в воду – почти на середину озера. Томные от жары козы, разлегшиеся в тени деревьев, даже не пошевелились.

Рина думала, что ей станет легче, если она кому-то расскажет о своей проблеме, но уже пару секунд спустя готова была язык себе откусить.

– А ты чем хочешь заниматься в будущем? – перевела она разговор.

Клим рассеянно пожал плечами:

– Да просто жить. Пасти коз, ездить в город по выходным, кататься на лодке со стариком Мерли, помогать бабушке с огородом. Мне это нравится. Не хочу ничего менять.

Разочарование было оглушительным.

«Звучит просто жалко, – подумала Рина. – Мальчишки в его возрасте мечтают стать королями, кудесниками или богачами, да хоть кем-то значимым. А он собирается всю жизнь просто пасти коз?..»

После стольких книг о героях Рине нравились амбициозные, смелые люди с большими планами на жизнь, а ее новый друг оказался совсем не таким. Это было обидно, потому что Клим нравился Рине своей загадочностью. Он был симпатичный и молчаливый, и она могла воображать про себя, что на самом деле он изгнанный принц маленькой далекой страны, который не может говорить о своем прошлом, чтобы не выдать себя врагам, и поэтому часто мол-

чит. А в это время его мысли занимают подвиги и свершения. Он сидит на холмах, притворяясь пастухом, смотрит на коз и ждет не дождется, когда вырастет и вернет себе законный трон.

И ночами в пустом хлеве при свете сального огарка он фехтует пастушьям прутком вместо шпаги, изящно пронзая воздух навстречу невидимым убийцам родителей...

Попрощавшись со своими фантазиями, Рина от неведомого расстройств проревела в подушку всю ночь. Это было глупо до ужаса, и она это понимала, но ничего не могла с собой поделать. Вот что бывает, когда читаешь слишком много историй о принцах, а потом узнаешь, что их на всех не хватит, и пытаешься сделать героя из пастуха, а он мечтает просто пасти коз. Тогда это казалось Рине трагедией, зато сейчас сделало Клима безопасным в ее глазах.

«Он не из тех, кто побежит спасать мир сломя голову», – подумала она.

Велосипед сбил стадо кучнее, потом подъехал к Рине и рулем подтолкнул ее вперед.

– Ты чего? – удивилась она, вынужденно сделав шаг вниз по склону.

Клим снова ее подтолкнул. Аккуратно, но настойчиво.

– Куда ты меня ведешь? Хочешь, чтобы я пошла с тобой?

«Дзиль».

Кажется, Клим предлагал ей ночлег.

– А это ничего? – засомневалась Рина. – Твоя бабушка не будет против?

«Дзиль-дзиль».

Бабушка Клима была старая и больная, так что на роль Виндера претендовать не могла, да и внука от себя отпускать наверняка не хотела, но в деревне говорили, что женщина она резкая и грубоватая, поэтому Рина не сразу решила следовать за Климом. Она бы ни за что не пошла, но солнце садилось, и начало холодать. Контраст между дневной жарой и ночным холодом был прямо-таки осенний. Рина прекрасно понимала, что скоро воздух остынет еще сильнее, а у нее ни костра, ни теплой одежды. Да и змей никто не отменял.

«У меня нет выбора, – уговаривала она себя. – Мне все равно придется просить помощи у домов. Лучше уж идти к тому, кого я хотя бы немного знаю». – погоди, я тебя догоню. Мне надо забрать сумку.

Возвращаясь на холм, Рина заметила, что стрелки все это время пытались с ней поговорить. Мама тревожилась, папа выписывал вопросы, Альберт, как обычно, был зол.

– Все в порядке, не волнуйтесь, – сказала им Рина. – Я встретила Клима. Это мой друг. Он меня приютит.

«Нет-нет-нет! Это плохая идея! Это может быть опасно!» – запротестовала мама.

«Нельзя», – припечатал папа.

«С ума сошла?! Нет!» – взвинулся Альберт.

– Ему можно доверять, – шепнула Рина, стараясь не выдать свой страх. – У него нет мотивов мне навредить. Я уже это обдумала.

И, не став разглядывать реакцию стрелок, она похромала вниз по холму. Клим, кажется, хотел ее подвезти, но Рина сделала вид, что не понимает намеков. Вдруг ему взбредет в голову сбросить ее с высоты? Велосипед подъезжал к ней и так, и сяк, настойчиво дзилькал, но потом перестал, и почти всю дорогу они молчали. В этом было что-то знакомое и привычное, насколько это вообще возможно в заколдованном мире, где люди становятся часами и велосипедами.

– В твоём доме печка топится! – заметила Рина, резко остановившись. – Значит, бабушка до сих пор не спит...

«Да».

Еще недавно деревня казалась безжизненной, но сейчас Рина разглядела дымок, поднимающийся из трубы зеленого дома, наполовину скрытого фруктовыми деревьями. Идти становилось все сложнее и не только из-за боли в колене. Страх казался осязаемым и нарастал словно снежный ком, который Рине приходилось толкать перед собой.

– Слушай, а это странно, что твои козы меня не боятся, – попыталась она отвлечься. – Они же никогда раньше не видели людей. Но почему-то не подумали, что я хищник.

«Дзинь».

Натан рассказывал, что на животных проклятие не действует. Так что это были отнюдь не двухсотлетние козы, а потомки тех самых коз, которых пасли они с Климом, в каком-нибудь десятом поколении.

– Твой дом хорошо сохранился, в отличие от моего. Думаю, мы бы вселились в полумобиль, если бы он не сломался, и тоже ездили всюду, как ты. Помнишь, я тебе рассказывала, почему мы застряли тут на две недели? Папа вызвал механика из города, он должен был заменить какую-то деталь, но так и не успел приехать.

«Да, помню».

– Обидно, что проклятье не считает фургоны домами, – вздохнула Рина. – Иначе Букашка бы вся сохранилась, и мы бы вселялись в любую вещь внутри нее. Но, с другой стороны, это, наоборот, хорошо: я смогла взять с собой всю семью. Говорят, души, запечатанные в домах, нельзя вынести за их пределы. Только если человек находился снаружи в ночь запуска Ветродуя и вселился в отдельную вещь, его можно перемещать куда угодно. А правда, что тот, кто вселился в отдельную вещь, ни в какую другую перейти не может?

«Это правда», – подтвердил Клим.

– Значит, ты до запуска Ветродуя так и будешь велосипедом, а мои родители и брат – часовыми стрелками? Кстати, я забыла вас познакомить, – Рина повернула часы, чтобы показать им Клима. – Вот, это мой друг.

«Привет», – дзинькнул звонок.

Мама выписала вежливую улыбку.

«Я все еще встревожен!» – заявил папа.

«Ты мне не нравишься!» – покрутился влево Альберт.

– А это мои родители и брат, они очень рады знакомству, – скороговоркой сказала Рина и поспешно убрала часы, хоть и сознавала, что Клим вряд ли понял язык стрелок.

Вскоре они спустились с холмов на дорогу и дошли до приземистого, плотно сбитого домика с зелеными стенами. Из-за темных окон он выглядел мрачновато, но на столбе у калитки висел зажженный фонарь. Как только стадо оказалось у ворот, створка отъехала внутрь, пропуская животных во двор, а оттуда в хлев. Помощь Клима тут не понадобилась – коз подгоняла старенькая метла.

– Здравствуйте, – робко сказала Рина.

Ей было страшно заходить через ворота. Вдруг тяжелая дубовая створка резко встанет на место и собьет ее? Клим словно бы понял это и медленно въехал во двор, держась наравне с Риной. Та крепко стиснула его руль и боязливо озиралась по сторонам.

Во дворе пахло соломой и свежим навозом. Земля под ногами была без единой травинки, зато справа, в загороженном палисаднике, бушевали цветы, а слева, за еще одним частоколом, раскинулся сад, полный спелых яблок и винограда.

Метла загнала коз и сама залетела в сарай. Дверца закрылась на засов, а потом и ворота за спиной резко бахнули, на секунду разогнав воздух до ветра. У Риной аж волосы поднялись. Хорошо, что от страха она обычно немела и не вскрикнула в тот момент, но зато выпустила руль, и Клим уехал вперед. На крыльцо были настелены доски, по которым он скользнул в сенцы через открытую дверь. Когда Рина поспешила следом, фонарь снялся со столба и полетел перед ней. Запах от него исходил неприятный. Наверное, бабушка делала свечи из китового или акульего жира, которого были целые бочки в лодочных сараях у пристани. Клим говорил, что этот жир стоит там десятилетиями и совсем не портится, потому что его хранят в кудесничьей таре. Сало коптило и воняло, но, похоже, это был единственный источник света, не считая велосипедного фонарика, работавшего от солнца.

– Спасибо, что приютили, – сказала Рина, разуваясь и ступая по грубоватым половикам в маленькую комнату.

В доме было тепло, но ничуть не затхло и не пыльно. Тут пахло шерстью, молодым вином и яблоками. Тонко нарезанные, они сушились на подоконниках, а на крюках вдоль стен висели пучки лекарственных трав. На полках поблескивали банки с изюмом и курагой, наверняка из собственного сада. У печки стояла большая бутылка, в которой играло вино. Должно быть, ради него бабушка и топила печь: от покойного деда Рина знала, что в холоде оно не бродит.

Все в этом доме выглядело так, словно его хозяйка была уверена, что в любой момент может снова стать человеком. Она как ни в чем не бывало делала заготовки на зиму, растила овощи на огороде, собирала урожай в саду и доила коз. И так год от года вот уже две сотни лет. Рина бы давно свихнулась на ее месте. Рыбоводье даже вблизи выглядело совсем мертвым, и только дом этой старушки все еще жил. Как тут не проникнуться к ней уважением?

Лампа светила тускло, и рассмотреть комнату в сумерках было нелегко, но Рина поняла, что это нечто вроде гостиной, объединенной с кухней и столовой. Окна тут выходили на палисадник, а слева, судя по дверям, находились еще две комнаты. Рина окрестила их спальнями, потому что в деревнях редко можно было найти дома с ванными, и к тому же она заметила среди хозяйственных построек баню, легко узнаваемую по трубе.

Клим взволнованно крутился возле гостыи, но помочь ей ничем не мог. Не зная, что делать, Рина неловко переминалась с ноги на ногу, пока рядом с ней не бахнул табурет.

– С-спасибо, – пробормотала она и тихонько села на самый краешек, не став снимать сумку.

На плечи упало что-то колючее – пуховая шаль. Клим убедился, что Рина в порядке, и поехал обратно в сенцы. Перед ним ловко открывались двери и тут же закрывались, чтобы не выпускать тепло. Рина из окна видела, как велосипед подъехал к дровянику, и невидимая бабушка нагрузила на обе стороны его руля по охапке дров. Они были перевязаны проволокой и держались на больших рыболовных крючках.

«Почему она сама их не занесет? – задумалась Рина. – Она же может двигать тут что угодно. – И секунду спустя ответила на свой вопрос. – А, точно! В дневнике написано, что человек внутри дома может за раз вселиться только в один предмет. У бабушки не получится одновременно нести дрова и открывать себе двери. Стоп. Но в охапке же много дров... значит, она вселилась в проволоку, которая их держит? Нет. Скорее всего – в крючки».

От этой мысли Рине стало немного спокойнее.

«Надо просто следить за вещами, которые двигаются. Тогда она не застанет меня врасплох».

Когда Клим вернулся в дом, невидимая бабушка открыла топку и подбросила к тлеющим уголькам сухих веток, щепы и поленьев. Потом поднесла к ним старинный искродел – длинную механическую зажигалку с рычажком, – щелкнула им, и загорелся огонь.

Наблюдать за ожившими вещами было странно, но куда больше Рина удивлялась тому, как быстро к этому привыкла.

«Ну, я все-таки сама была вещью последние двести лет, даже если сейчас ничего не помню, – сказала она себе. – Где-то внутри воспоминания остались».

Печь нагрелась, и стало намного теплее. Рина подвинула табурет к беленому боку и прислонилась к нему спиной, поджав босые ступни. Клим еще раз выехал во двор и на этот раз вернулся с двумя ведрами на ручках, полными парного молока. Рина ненавидела козье молоко. Оно было слишком жирным и неприятно пахло. Но когда кружка зависла прямо перед ней, она приняла ее с благодарностью. Наверное, от жажды и голода молоко показалось ей сладким и совсем без запаха. Только выпив его до капли, Рина вспомнила про подарок короля. Она торопливо вытерла губы большим пальцем правой руки, на который надела перстень. Камень

остался белым. Рина тихонько выдохнула, ей стало стыдно за плохие мысли о бабушке, но осторожность никогда не повредит.

Беднягу Клима снова отправили по поручению – на этот раз в огород. Он вернулся оттуда с корзинами, полными тыквы, картошки и зелени. Под звуки готовки, шкворчание и шипение Рина совсем расслабилась и почти задремала. Но тут бабушка громыхнула заслонкой рядом с ней и сунула в печь котелок.

Потом с Рины сдернули шаль, и табурет вытолкнули из-под ее ног. Она в ужасе застыла, и вдруг мелкие змейки заскользили по ее телу. Рина сначала не поняла, что происходит, а потом увидела, что это шерстяные нити из клубка. Одна обхватила за бедра. Вторая за талию. Третья сомкнулась прямо на горле, как удавка, и Рина бы завизжала, продлись это чуть дольше. Но нити обвивали ее и тут же отпускали, а портняжные ножницы делили их на отрезки. Только когда дело дошло до запястий, Рина поняла, что, кажется, бабушка снимает с нее мерки.

– Ай! – вскрикнула она: шерстяная нить задела ободранную коленку.

Бабушка на минуту оставила Рину в покое. Что-то загромыхало на полках в дальнем углу, потом оттуда прилетела большая бутылка темного стекла и встала у печи. Слетевшая с горлышка пробка покатила по полу, запахло спиртом. Бабушка открыла сундук у стола, порылась в нем и шлепнула на ладонь Рины лоскут чистой ткани.

– Это чтобы я промыла рану?

«Дзиль», – подтвердил Клима.

– Спасибо!

Рина присела возле бутылки, наклонила ее и смочила ткань. Потом аккуратно, морщась и шипя, промокнула ранку. Ее сильно щипало. Даже глаза заслезились, хотя, скорее, не от боли, а от спиртовых паров.

Бабушка понаблюдала за картиной «Рина себя жалеет» минуты две, а потом отобрала у нее тряпку и без всяких церемоний прижала к ушибу.

– А-ай! – взывала Рина, прыгая на одной ноге. – Больно же! Больно!

Но бабушка в жалельщицы не записывалась. Она хорошенько обеззаразила рану и туго ее забинтовала. Под конец Рина почти молилась о том, чтобы ее оставили в покое, но бабушка сняла с нее все мерки до последней.

Потом под Рину снова пихнули табурет, на колени ей упала шаль, а из комода поднялась коробка с вязальной машиной и целый мешок мотков с пряжей. Видимо, бабушка напряла их из козьей шерсти. Вязальная машина работала так быстро, что от нее рябило в глазах. Рычажки и кнопки постоянно перещелкивались, и какая-то деталь сверху металась вправо-влево с такой скоростью, что невозможно было разглядеть ее форму. А потом р-раз! и готов целый кусок ткани, а за ним и отличнейшая кашемировая кофта – очень тонкая и мягкая на ощупь. Она плюхнулась Рине на колени, и тут же заслонка печи отъехала в сторону. Головокружительно запахло тыквенной кашей на молоке и печеным бататом.

Бабушка мигом собрала на стол, и Рина не стала дожидаться, когда табурет под ней опять запляшет.

Она так хотела есть, что сама похромала к столу, удивляясь собственной наглости. Каша обжигала губы и долго не стыла, но была невероятно вкусной, как и сладкая картошка.

«Сюда бы еще риса добавить, – мечтательно подумала Рина. – Но и так пальчики оближешь».

Она опять забыла про кольцо и запоздало ткнула его в тарелку, стараясь сделать это незаметно для бабушки. После ужина был чай с вишневым вареньем и приторным виноградом, а потом Рину уложили спать – в комнате Клима, судя по обстановке. Тут все было какое-то мальчишеское: стены без узоров и ни одной симпатичной вещицы, а из мебели только стол, сундук да кровать у стены, застеленная сразу тремя покрывалами – одно невзрачней другого. Голое окно без занавесок выходило в темный сад.

Свеча в фонаре погасла, как только Рина забралась под одеяло, и она дала себе слово не смыкать глаз всю ночь, но в тепле и уюте после целого дня волнений и сытного ужина сдержать это обещание было выше ее сил.

## Глава 3

### Занавесочные сплетни

Наутро оказалось, что бабушка вязала всю ночь. Плоды ее трудов мягкой башенкой высились на сундуке, и было видно, как в лучах солнца на них оседают пылинки. На кухне что-то уютно шумело, совсем как у папиных родителей на даче. С тех пор как дедушка умер три года назад, бабушка Ната больше не возвращалась в их сельский дом. Ей невыносимо было жить там одной, и она занялась бесконечными визитами к подругам – ездила то к одной, то к другой или снимала комнаты в отелях. Последнее письмо от нее пришло из приморского городка на севере Хайзе, который славился своими курортами. Бабушка Ната отлично проводила там время на пару с кухней. Она еще не придумала, куда поедет после отдыха, и написала: «Живу одним днем!»

Ничего не загадываю на завтра». Поэтому Рина даже не знала, где бабушка Ната сейчас, и оттого скучала по ней вдвойне. Особенно по той, прежней бабушке, какой она была при живом муже. Тогда Рину будили такие же звуки готовки по утрам. И как здорово было просыпаться от запаха оладий!

– Доброе утро! – шепнула Рина часам.

Папа с мамой станцевали синхронную улыбку.

«Засоня!» – покрутился влево сердитый Альберт.

Новые вещи решено было надеть прямо на пижаму. Так и теплее, и не сильно колется. Кроме кашемировой кофты, Рину ждали плотные штаны, длинные гольфы, перчатки, шарф и куртка из толстой шерсти с капюшоном и кучей карманов. Для всего этого было еще слишком жарко, но бабушки есть бабушки – они всегда готовятся к зиме заранее. Рина пока надела только кофту и штаны, но подвернула их до колен, чтобы не вспотеть. Ткань была приятного коричневого оттенка, близкого к цвету кофе с молоком.

«Но у бабушки все козы белые... Чем она красит пряжу, если красильни давно не работают? В луковой шелухе варит, что ли?»

Луком от шерсти не пахло. От нее исходил тонкий аромат мыла и розового клевера. Рина оставила часть вещей на сундуке, заправила постель и вышла в комнату с печкой.

– Доброе утро! Большое спасибо вам за одежду!

Теперь она совсем не боялась бабушку. Если бы та и решила что-то с ней сделать – уже давно бы сделала.

Клим у стола приветственно дзинькнул, и к Рине подлетела знакомая зеленая бутылка. Пришлось сесть на табурет и вытянуть перевязанную ногу, хотя от воспоминаний о вчерашнем лечении бросало в дрожь. Зато эффект от бабушкиного лекарства был что надо: опухоль почти спала за ночь, а ранка подсохла и затянулась корочкой.

«Может, мой талант в том, что я везучая? – подумала Рина. – Ведь умудрилась же я познакомиться с Климом, и так вышло, что именно его бабушка единственная из деревни не уснула и приютила меня».

Эта мысль ей понравилась и придала уверенности в себе. С тех пор как Натан сказал, что Странников выбирает сама судьба, Рина пыталась понять, за что именно выбрали ее. Наверняка в ней скрывался талант, о котором она еще не знала, но пока из подходящих вариантов было только везение и любовь к прогулкам.

Будильник на подоконнике показывал без четверти восемь, когда Рина села за стол. На завтрак бабушка испекла кукурузные оладьи, вскипятила молоко с корицей и медом и подогрела вчерашнюю кашу. Вкусно было до умопомрачения. Пока Рина ела, бабушка упаковывала

ей в дорогу вареный батат, заворачивала в капустный лист морковь и сыр, насыпала в банку изюм, орехи и курагу.

– Ой, мне не надо так много, – попыталась остановить ее Рина. – Нести будет тяжело, да и в сумку столько не влезет...

Но в сумку нырнула только фляжка для воды, флакон с настойкой и чистая тряпица, а в боковом кармане уютно устроился искродел.

– Но разве он вам самой не нужен?..

Бабушка, наверное, обругала бы Рину, если бы могла. А так она просто громко хлопнула клапаном сумки и принялась загружать еду в плетеную корзину на багажнике Клима. Рина только сейчас заметила притороченный к его раме кошель, из которого выглядывала отвертка.

«Кажется, вчера этой штуки не было. И зачем Климу возить с собой инструменты? Он все равно сам себя не починит, он же не может вселиться в другую вещь».

И тут до Рины дошло, что бабушка собирает велосипед в дорогу. В дальнюю дорогу.

– Клим, ты собрался ехать со мной?

– «Да!» – весело звякнул тот.

– А как же козы? И что мы будем делать, если ты сломаешься? Я не умею велосипеды чинить!

Рина запоздало поняла, что сболтнула лишнего, и ей захотелось дать себе оплеуху. Она так боялась путешествовать по Хайзе одна, а тут Клим сам предложил ей помощь. Вдруг бабушка не отпустит его теперь? Но она продолжала деловито укладывать поверх еды теплые вещи, оставленные в комнате. Рина успокоилась и открыла книгу.

– Дедушка Натан, куда мне теперь идти? Как выбрать направление?

«Тебе нужен... Проводник, – ответил Натан. – Скорее всего... он уже нашел тебя сам... Обычно Проводники раньше всех узнают о появлении нового Странника и ждут его на перекрестках, возле дорог или возле мест, где тот остановился».

– А кто такой Проводник? – напряглась Рина. – Я еще не читала про них...

На это Натан выдал ей целый абзац:

*«Проводник – это человек, рядом с которым не было ни одного подходящего предмета в тот момент, когда запустили Ветроуды. Скажем, он шел по голой степи или плавал в озере. Такие люди вселились в сам воздух и стали ветром. Первое время они бесцельно скитались по миру, а потом начали помогать Виндерам. Проводники тоже ищут кнопки или передают важные послания. Некоторые знают, в какой стороне находится подсказка, и направляют к ней... Но... надо соблюдать осторожность... Порой они опасны и заводят в ловушки. Хорошо, если это всего лишь дети, они, как правило, просто хотят поиграть. Но бывали случаи, когда ветер приводил Странника в гиблое место или к дому-убийце. Причины, полагаю, все те же. Проводники хотят снова стать людьми, освободить кого-то из близких или сделать Виндером человека, который, на их взгляд, подходит на эту роль лучше всего. Есть и просто злобные создания. Невозможно заблаговременно понять их цель».*

Рина нервно сглотнула.

– Значит, нельзя заранее узнать, хороший это Проводник или плохой?

Натан выдал еще один абзац:

*«Я заметил важную особенность. Ветер, который предал меня, темнеет и выглядит почти как черный дым. А если Проводник привел меня к подсказке, цвет его становится серебристым. Так что один и тот же ветер*

*не сможет загнать меня в ловушку дважды. Но любой Проводник прозрачный на вид до тех пор, пока не раскроется его намерение».*

– То есть я должна ему довериться и пойти за ним, даже если он хочет завести меня в ловушку?! – ужаснулась Рина.

«Большинство людей... как и большинство... Проводников... хорошие», – заверил ее Натан, но это было так себе утешение.

Рине захотелось свернуться калачиком под теплым одеялом в комнате Клима и никогда оттуда не вылезать, но она понимала, что это не выход и что времени у нее в обрез.

– Бабушка, мне уже пора. Спасибо вам огромное за заботу! Я изо всех сил постараюсь вас освободить!

С этими словами Рина взяла сумку и пошла обуваться. Клим уже выехал на крыльцо, из открывшейся перед ним двери пахло навозом, утренним туманом и яблоками.

«Интересно, как они с бабушкой договорились? – раздумывала Рина, пытаясь зашнуровать ботинки потуже. – Может, у них есть свой язык знаков, а я и не заметила?»

– До свидания!

На улице было свежо, но не холодно. На траве и листьях блестела роса, сплетенная с паутинками в драгоценные ожерелья. В небе мирно спали стада золотистых облаков. Клим уже выехал за калитку, и оказалось, что коз бабушка давно выпустила: они бродили тесной кучкой по холмам вдалеке.

– Думаешь, они смогут сами вернуться домой? – встревоженно спросила Рина.

«Не знаю», – промолчал Клим, и они пошли к перекрестку. Точнее, это раньше тут был перекресток, а сейчас от дорог, которые вели в соседние деревни, даже намек не осталось. Кругом были только тропки, протоптанные козами, и выбритые их зубами склоны холмов. Рина внимательно оглядывалась в поисках ветра, но затишье было абсолютным, и дым из трубы поднимался в небо ровным белым столбом.

– Если честно, я совсем не понимаю, как это работает... Дедушка Натан говорил, что весь ветер Хайзе собран теперь в Ветродуе – это побочный эффект проклятия. Но если в мире нет ветра, как же тогда смешивается воздух? Получается, если я долго буду стоять на одном месте, то меня окружит углекислый газ, и я задохнусь? И как размножаются всякие одуванчики и растения, которым нужно, чтобы ветер разносил пыльцу? И еще получается, в некоторых местах сплошная засуха, а где-то постоянно идут дожди?

От Клима ответа не было, и Рина перевела взгляд на часы.

«Наверное», – поколебался папа. Он был силен в искусстве, но не в науке.

«Правда», – согласилась мама.

«Нет», – заявил Альберт, хотя и не знал правильного ответа – ему лишь бы что-нибудь вставить.

Натана Рина спрашивать постеснялась, потому что это явно был не вопрос жизни и смерти. Да и ей предстояли дела поважнее.

– Клим, ты видишь где-нибудь ветер?

– «Дзинь-дзинь».

И вдруг Рина охнула. Порыв прохладного бриза толкнул ее в спину – аж дух захватило – скользнул по рукам и взметнул волосы, а потом громадный каштан у обочины зашелестел. Его длинная тень плясала на дороге, и было видно, как трепещут листья и бьются оземь спелые плоды.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.